

Отделавшись от назойливого Мао Сяоцзяня под предлогом подготовки к экзаменам, Цинь Гу направился напрямиком в комнату наставника.

Его учитель, Сюй Цзыдуань, был нынешним настоятелем монастыря Сюаньцин. Для непосвящённых он казался обычным старым даосом, но в мире заклинателей его почитали как одного из столпов школы Небесных Наставников. В последние годы глава редко брался за дела, предпочитая уединённую жизнь в обители, где наставлял учеников и предавался духовным практикам.

Цинь Гу постучал. Ему открыл второй учитель-дядя, Чжоу Цзыи.

По правде говоря, принадлежность к поколению «Цзы» порой играла со своими носителями злую шутку. Когда родители давали дяде имя Цзыи, они вряд ли предполагали, что он выберет путь Дао. В сочетании с монастырским титулом имя звучало, мягко говоря, двусмысленно и не слишком благозвучно.

Впрочем, Чжоу Цзыи был человеком широкой души и на подобные мелочи внимания не обращал. Добродушие и отменный аппетит превратили его в дородного мужа — в последние годы его рясы приходилось шить на заказ по самым щедрым меркам.

— О, Сяо У пришёл! — Дядя распахнул дверь шире, приглашая юношу войти. — Что привело тебя к учителю?

В монастыре Цинь Гу официально звали Цинь Нингу, согласно его поколению «Нин», но имя это казалось ему слишком напыщенным. Коллеги по ремеслу иногда использовали его, но близкие наставники и соученики звали его просто Сяо У — «Пятый», так как он был пятым учеником Сюй Цзыдуаня.

К несчастью, из его старших братьев в живых остались лишь двое. Второй и третий старшие братья безвременно ушли из жизни ещё в расцвете сил.

Среди идущих путём Дао долгожители встречались реже, чем хотелось бы, но школа Небесных Наставников платила особенно дорогую цену. Постоянные схватки с призраками и нечистью не прощали ошибок — одна осечка могла стоить жизни.

Да и в предыдущем поколении Сюаньцин потери были не меньшими. Цинь Гу слышал, что у его учителя когда-то был невероятно одарённый старший брат — первый учитель-дядя, который тоже погиб в юности.

Второй учитель-дядя, Чжоу Цзыи, не блистал талантами в магии, зато оказался непревзойдённым знатоком мирских дел и управления, поэтому духовное наследие монастыря

перешло к Сюй Цзыдуаню.

Войдя в комнату, Цинь Гу заметил на столе у наставника ворох бумаг. Беглого взгляда хватило, чтобы понять: это были финансовые отчёты о расходах на нынешний съезд.

Юноша не придал этому значения. Монастырь Сюаньцин не бедствовал: помимо подношений от прихожан, государство выплачивало щедрые субсидии, а за выполнение особых поручений всегда полагалось отдельное вознаграждение.

Чжоу Цзыи подошёл к столу и собрал бумаги в стопку, но уходить не спешил. Он примостился на стуле, который отозвался жалобным скрипом, но всё же стойчески выдержал внушительный вес.

Сюй Цзыдуань скосил взгляд на брата, понимая, что тот просто хочет послушать разговор, но выгонять его не стал.

Он жестом пригласил ученика сесть и достал деревянную шкатулку. Поставив её перед Цинь Гу, глава заговорил:

— Я показал это мастеру Чжуану. Он подтвердил мои опасения: твоя яшма приняла на себя удар великого бедствия, потому и разлетелась вдребезги. Восстановлению она не подлежит. Вспомни ещё раз, что именно произошло в тот день? Не было ли чего-то странного, какой-нибудь мелочи?

Цинь Гу нахмурился и открыл шкатулку. Внутри лежали осколки яшмовой подвески — вернее то, что от неё осталось после превращения в крошку. Эту вещь дедушка заказал специально для него, когда он был ещё ребёнком, чтобы удержать его мятежную душу в теле.

Он носил этот амулет, не снимая, больше десяти лет. За это время редкий камень напитался его духовной силой и был уже в шаге от того, чтобы стать настоящим магическим сокровищем.

Раньше аномально мощное духовное сознание было для него проклятием, но теперь Цинь Гу научился управлять им, превратив в свою главную силу. Подвеска больше не была для него жизненной необходимостью.

И всё же это был ценный артефакт. Помимо усмирения души, он даровал ясность ума и покой сердца — бесценные качества для любого практика, да и для обычного человека такая вещь была бы великим благом.

Цинь Гу планировал ещё немного напитать украшение своей энергией и подарить его Сяо Бэю на восемнадцатилетие.

Однако полмесяца назад, когда он направлялся к месту проведения третьего этапа

соревнований, подвеска внезапно лопнула. Без всякой видимой причины она раскололась на несколько кусков, а стоило ему коснуться их, как они рассыпались в пыль.

Если бы он не знал наверняка, что амулет всегда был при нём, он бы заподозрил подмену.

Воспоминания о том дне не приносили радости. Юноша уже сотни раз прокручивал их в голове.

— Учитель, я уверен, — твёрдо произнёс он. — Я только вышел из машины. Ближайший прохожий был минимум в пяти метрах от меня. Никто ко мне не прикасался, никакой опасности не было.

Он помолчал и добавил:

— И я не почувствовал никаких магических колебаний.

С его уровнем восприятия было невозможно не заметить, если бы кто-то попытался наложить на него проклятие или совершить ритуал.

— Странно всё это... — Сюй Цзыдуань в замешательстве потёр переносицу. — Неужели это связано с тем бедствием, о котором говорил твой младший учитель-дядя? Но ведь чужая беда не должна была коснуться тебя.

В их деле хватало необъяснимых вещей. Раз зацепки отсутствовали, а плохих последствий пока не наблюдалось, оставалось только смириться. Жаль было лишь погубленную яшму.

— Учитель, тогда я могу ехать домой? — Цинь Гу был не в духе. Подарок для Сяо Бэя безнадёжно испорчен, а здесь его донимает назойливый прилипала. Ему хотелось в тишину, к своему маленькому другу.

Сюй Цзыдуань горько усмехнулся:

— Вечно ты спешишь прочь, стоит турниру закончиться. Неужели в монастыре завёлся тигр, который хочет тебя съесть?

Наставник понимал, что сердце ученика не лежит к пути заклинателя. Десять лет назад он бы сурово отчитал его за пренебрежение даром, но всё изменилось. Смерть двоих старших учеников, которых он вырастил с пелёнок и любил как родных сыновей, стала для него тяжёлым ударом. Потеряв их, старик пересмотрел свои взгляды. Если Цинь Гу не хочет быть Небесным Наставником — пусть так. Нет ничего плохого в том, чтобы окончить обычный университет и прожить жизнь обычного человека.

Чжоу Цзыи с улыбкой вставил своё слово:

— Небось дома его ждёт какая-нибудь красавица. С такой-то статью наш Сяо У вскружит голову любой девчонке.

Цинь Гу промолчал, не желая поддерживать разговор.

«Зачем мне девчонки? — подумал он. — Они меня никогда не интересовали»

Юноша знал, что второй учитель-дядя обожает поддразнивать молодёжь, поэтому просто проигнорировал шутку.

Сюй Цзыдуань в шутку цыкнул на брата:

— Старый нечестивец, не сбивай моего ученика с пути истинного!

Затем он посерьёзней и обратился к Цинь Гу:

— Задержись ещё на пару дней. Я договорился со старейшиной Мином, чтобы он взглянул на тебя.

Старейшина Мин был легендой в мире физиогномики и прорицания. Формально он приходился дядей дедушке Цинь Гу по материнской линии. Старик давно перестал принимать людей, и если бы не давние родственные связи, Сюй Цзыдуань никогда бы не смог его упротить.

— Старейшина Мин? Не стоит, учитель. Яшма разбилась — и бог с ней, не нужно беспокоить почтенного старца по таким пустякам.

Прорицатели и мастера физиогномики видели сокровенное, читали судьбы по лицам, но цена за это была велика. Большинство из них на закате дней оказывались одинокими и немощными. «Пять лишений и три изъяна» — это была не просто пугающая присказка, а суровая реальность. И чем талантливее был мастер, тем трагичнее могла оказаться его судьба.

Взять хотя бы дедушку юноши: в расцвете сил потерял жену, в зрелости — единственную дочь, а старость встретил в болезнях, с которыми и ушёл.

Старейшина Мин, несмотря на глубокие годы, жил отшельником в горах, без детей и близких. Если он увидит что-то в судьбе Цинь Гу — как он поступит? Почтенный мастер не сможет остаться в стороне, если заметит беду, но попытка изменить чужую судьбу ударит по его собственному долголетию. Юноша не мог позволить себе принять такую жертву.

Сюй Цзыдуань вздохнул:

— Я не хотел говорить тебе раньше... Когда твой младший учитель-дядя возвращался в прошлый раз, он мельком видел тебя. Позже он признался мне по секрету, что на твоём лице лежит тень грядущего бедствия, которое, кажется, вызвано кем-то из близких. Теперь, когда твоя яшма разбилась, защищая тебя, я хочу, чтобы старейшина Мин проверил — миновала ли угроза.

Мастера физиогномики редко упоминали о мелких невзгодах. Иногда избежать мелкой неудачи — значит навлечь на себя более крупное горе. Но если уж заговорили о бедствии...

«Близкий человек?»

Сердце Цинь Гу пропустило удар. Прорицателям трудно разглядеть собственную судьбу, и чем ближе им человек, тем туманнее его будущее. Близкий человек, о котором говорил младший учитель-дядя, точно не был из монастыря.

Значит, это мог быть только... Сяо Бэй?

Юноша похолодел от ужаса. Если беда угрожала Жуань Бэю, значит, тот попал в действительно серьёзную переделку. Он не мог больше ждать старейшину Мина.

— Учитель, пусть младший дядя посмотрит меня прямо сейчас! — воскликнул он, едва сдерживая дрожь.

Сюй Цзыдуань лишь беспомощно развёл руками:

— Ты же сам знаешь своего дядю. Он в этом деле вечный недоучка — то видит, то нет. Если бы я не знал, что он никогда не станет шутить над тобой, я бы и вовсе ему не поверил.

Рисковать Цинь Гу не смел. Оставалось только ждать старейшину Мина.

Всё обдумав, он понял, что не успокоится, пока не услышит голос Жуань Бэя. Предупредив учителя и дядю Чжоу, он бросился в свою комнату за телефоном.

Он скрывал правду от друга, сказав лишь, что обучается боевым искусствам. С одной стороны, Цинь Гу не планировал делать экзорцизм своей профессией и не хотел втягивать обычного человека в этот опасный мир. С другой — он просто боялся признаться.

Всё началось с его дедушки. Тот хотел подарить внуку нормальную жизнь, поэтому они переехали туда, где их никто не знал.

Супруги Жуань оказались удивительно добрыми людьми. Видя хилого старика с болезненным маленьким внуком, они всегда предлагали помощь и часто приносили угощения.

Другие соседи, замечая нездоровый вид мальчика, запрещали своим детям играть с ним. Но семья Жуань была иной. Они, напротив, наказывали своим детям присматривать за ним и не давать в обиду.

Жуань Си с детства была бойкой девчонкой. У неё было нежное и кроткое лицо, но на месте ей не сиделось ни секунды. Сяо Бэй был ещё слишком мал, чтобы сестра могла брать его в свои шумные игры, поэтому она просто сажала двух мальчиков вместе, чтобы они играли друг с другом.

Жуань Бэй с самого детства обладал мягким характером и ангельской внешностью. Он всегда улыбался, а когда видел тех, кого любил, его глаза превращались в полумесяцы, открывая ряд маленьких, как жемчужинки, зубов. Это было невероятно мило.

В те годы из-за блуждающей души Цинь Гу часто впадал в глубокий, почти беспробудный сон. Маленький Жуань Бэй никогда не капризничал и не будил его. Он просто ложился рядом, обнимал друга своими пухлыми ручонками и, подражая взрослым, легонько похлопывал его по спине, убаюкивая. Обычно через пару минут он и сам засыпал рядом.

Позже дедушка понял, что природный дар внука невозможно подавить, и если не обучить его, душа юноши однажды может просто не вернуться в тело. Так его отправили в Сюаньцин.

Объяснить такое обычному человеку было трудно — всё это легко могли принять за дремучее суеверие. Поэтому для соседей была придумана официальная версия: мальчик уехал в горы укреплять здоровье и заниматься ушу.

Цинь Гу не то чтобы намеренно лгал Жуань Бэю все эти годы... Просто он знал лучше других — его Сяо Бэй до смерти боялся призраков.

Если бы он признался, что он — экзорцист, это стало бы прямым доказательством того, что призраки существуют. Как он мог так напугать своего друга?

Цинь Гу берёт свою тайну как зеницу ока.

У него было два телефона. Один он использовал только в монастыре: на турнирах и во время заданий в гиблых местах сигнал часто пропадал или глушился, а техника могла и вовсе выйти из строя. Поэтому свой основной телефон он с собой не брал.

Вернувшись в комнату, юноша прикинул время. Сяо Бэй уже должен был вернуться из школы. Глубоко вдохнув, он набрал знакомый номер.

<http://bllate.org/book/15323/1412390>